

В. В. Попов

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Вопрос о структуре нормы права важен в силу того, что позволяет выработать адекватное представление о природе и свойствах данной нормы как важнейшего элемента права в рамках любого правопонимания. Идея трехчленной структуры нормы права является продуктом отечественной юридической мысли. Аналогична ей четырехэлементная структура нормы. Поскольку в законодательстве нет примеров ни трехэлементной, ни четырехэлементной структуры нормы права, в отечественной юриспруденции было сформулировано понятие логической нормы права. Однако логическая норма права не является реальной нормой права. Это конструкция метаязыка, элемент языка науки. При этом данная научная конструкция не выражает каких-либо логических связей. Импликация выражается через конструкцию «если — то». Однако норма права импликацией не является, поскольку не имеет значений «истинно» или «ложно» в соответствии с классической концепцией истинности. Конструкция «если — то — иначе» имеет сходство с командой условного перехода. Но команда условного перехода представляет собой специфическое соединение двух команд, чем принципиально отличается от логической нормы права. Таким образом, норма права является диадической, т. е. имеет двухчленную структуру. Это всегда только гипотеза и диспозиция. Оба эти элемента всегда присутствуют в норме права. Данные элементы не меняют своего характера. Неверно полагать, что такими элементами являются диспозиция и санкция. Охранительная норма права логическим путем из регулятивной нормы не выводится. Гарантия реализации норм права через санкции обеспечивается особым соединением двух правовых норм.

Ключевые слова: норма права, структура нормы права, структурный элемент нормы права, гипотеза нормы права, диспозиция нормы права, санкция нормы права, государственное принуждение.

V. V. Popov

DISCUSSING THE STRUCTURE OF THE LEGAL RULE

The issue of the legal rule's structure is important because it allows to work out a proper understanding of the nature and features of the given rule perceived as a significant element of law within any kind of law interpretation. The idea of the three-element structure of the legal rule has been developed by the Russian legal science. The four-element structure of the rule is similar to the previous one. There are no examples of either three-element or four-element structure of legal rules in the legislation, so Russia's legal science has formulated the notion of the logical rule of law. But the logical legal rule is not the real legal rule. This is a construction of metalanguage, an element of scientific language. And the given scientific construction doesn't reveal any logical connections. The implication is expressed through the construction «if — then». However the legal rule is not implication because it doesn't have the meanings «true» or «false» in accordance with the classical concept of «verity». The construction «if — then — else» is similar to the command of conditional jump. But the command of conditional jump is in itself a specific combination of two commands and consequently differs radically from the logical legal rule. Thus the legal rule is dyadic, i.e. it has a two-element structure. Its elements are only a hypothesis and a disposition which are always present in the legal rule. The given elements don't change their character. It's not correct to consider a disposition and a sanction as such elements. The protective legal rule is not logically deduced from the regulatory legal rule. Enforcement of the legal rule through sanctions is provided by a specific combination of two legal rules.

Key words: legal rule, structure of the legal rule, structural element of the legal rule, hypothesis of the legal rule, disposition of the legal rule, sanction of the legal rule, state enforcement.

Вопрос о структуре нормы права важен в силу того, что позволяет выработать адекватное представление о природе и свойствах данной нормы как важнейшем элементе права в рамках любого правопонимания. При этом проблема

структуры правовых норм является дискуссионной практически по всем ключевым моментам.

В дореволюционной отечественной юридической литературе преобладал подход к двухчленному строению нормы права (гипотеза и

диспозиция либо диспозиция и санкция). Как отмечает А. Ф. Черданцев, идея о трехчленной структуре появляется в 1940 г. в одном из первых советских учебников по теории государства и права М. С. Строговича и С. А. Голунского [1, с. 102]. Позднее, в 1961 г. один из авторов идеи о трехчленной структуре нормы (С. А. Голунский) пришел к выводу о том, что подобный подход не вполне приемлем [2, с. 32. Цит. по 1, с. 102]. Однако идея о трехчленной структуре нормы оказалась очень популярной и по сей день считается аксиоматичной главным образом в научной среде на постсоветском пространстве [1, с. 102]. Тот факт, что особенности законодательных формулировок правовых норм не вполне согласуются с трехчленной структурой нормы права, принято объяснять наличием так называемой логической нормы права, которая выражает логическую структуру «если... то... иначе...» [3, с. 42].

Иногда подход к трехчленной структуре логической нормы права модифицируется таким образом, что в данную структуру включают четвертый элемент — антидиспозицию [4, с. 607].

Некоторые возражения против логической нормы делал, например, Л. С. Явич (хотя мы полагаем, что основания для возражения были не вполне корректны). Ученый указывал, что это не просто логическая структура, а отражение некоего объективного необходимого закона, присущего праву [5, с. 68]. В связи с этим более обоснованной представляется позиция А. Ф. Черданцева, который утверждает, что «логическая норма права» не является конструкцией объектного языка, т. е. это не реальная норма права, не элемент структуры права. Это конструкция метаязыка: теоретическая конструкция, элемент языка науки, причем не очень удачная научная конструкция, поскольку каких-либо логических связей она как раз и не выражает [1, с. 96].

Развивая эту мысль, заметим, что вопреки используемому названию (логическая норма, логическая структура) отнесение к логике подобной нормы, действительно, носит проблемный характер. Структура логической нормы в юриспруденции обычно представлена формулой «если... то... иначе...», а собственно в формальной логике выделяют логическую связку «**если... то...**» (импликация). Но даже в случае использования связки «**если... то...**» возникает вопрос: допустимо ли говорить о том, что мы **логически** обосновываем двухчленную структуру норм права **посредством импликации**? Думаем, что нет. **Предписание** не является импликацией.

Однако иногда отмечают, что «в юридических текстах в форме импликации формулируют правовые предписания» [6, с. 226]. Ошибочность подобного высказывания заключается в следующем.

В логике импликация используется для определения истинности (ложности) сложного высказывания и основывается на истинности (ложности) составляющих его простых высказываний (антецедента и консеквента). Конечно, есть неспециальное употребление условных высказываний в обыденном языке. Его необходимо отличать от специального, в котором импликация используется для обоснования истинности суждений.

Норма права представляет собой не познавательную конструкцию для выведения одних суждений из других. Она не является дескриптивным (описательным) высказыванием. Норма права есть предписание. Это не означает, что в структуре нормы права недопустимо выделять отдельные элементы и связывать их при помощи союзов «если» и «то». Но в целом норма права не является импликацией, поскольку лежит за пределами истинностной оценки. По меньшей мере это верно для классической концепции истины, поэтому в случае с нормой права логически обосновывать двухчленную структуру норм права посредством отнесения ее к импликации недопустимо.

На наш взгляд, утверждение о том, что правовые предписания могут быть импликацией, а не просто иметь подобную ей языковую форму, основано на смешении норм *de re* (собственно норм) и норм *de dicto* (высказываний о нормах, т. е. дескриптивно интерпретируемых нормах).

Таким образом, мы можем сказать, что введение в структуру нормы права гипотезы и диспозиции вполне возможно, хотя данные элементы не соотносятся имплективно. Но как быть с третьим элементом — санкцией?

Итак, хотя связку «если... то... иначе...» нельзя рассматривать как импликацию, заметим все же, что выражения, формулируемые с ее помощью, изучаются в информатике и используются как конструкции языков программирования. Речь идет о команде (в смысле алгоритма, правила) условного перехода. Поскольку это именно команда, своеобразное предписание, а норма права — предписание, то возникает вопрос: не является ли трехчленная структура нормы права выражением команды условного перехода? Думаем, что нет. Прежде всего, отметим, что, несмотря на название — «**(одна)** команда условного перехода», речь идет об особом

соединении **двух** команд. Но если мы говорим именно о трехчленной структуре нормы права, то подразумеваем **одну** команду (правило). Это демонстрирует нам еще одну сложность, которая заключается в том, что трехчленная норма права и команда условного перехода имеют разную схему связи структурных элементов.

В целом команда условного перехода может быть представлена в следующем виде: «**если Г, то Д1, иначе Д2**», где «Г» — это условие выполнения действия (операции), «Д1» и «Д2» — указания на различные предписываемые действия (операции). Вместе с тем команда условного перехода в полном виде может выглядеть так:

— команда 1 «**если** (существует условие) **Г, то** (обязательно выполнить действие/операцию) **Д1**» (символически: $G \rightarrow D1$);

— команда 2 «**если не-Г** (не существует условие Г, т. е. \bar{G}), **то** (обязательно выполнить действие/операцию) **Д2**» (символически: $\text{не-}G \rightarrow D2$ или $\bar{G} \rightarrow D2$). При этом выражение «**если не-Г**» понимается как описание условия, альтернативного «Г», вне зависимости от характера уточнения такой альтернативы. В этом смысле «Г» допустимо заменить на Г1, а «не-Г», например, на «Г2».

Тогда символически мы получим:

— (команда 1) $G1 \rightarrow D1$;

— (команда 2) $\bar{G} \rightarrow D2$ или $G2 \rightarrow D2$.

Соединение команд 1 и 2 и дает команду условного перехода «**если Г, то Д1, иначе Д2**».

Но так ли используется связка «если... то... иначе...» в норме права с трехчленной структурой?

Назовем гипотезу «Г», диспозицию «Д», а санкцию «С». В таком случае общее выражение приобретает следующий вид: «**Если Г** (наличие условий, предусмотренных в гипотезе), **то Д** (обязан выполнить поведение, указанное в диспозиции), **иначе С** (санкция)». При этом если мы еще можем символически записать $G \rightarrow D$, то выражение $G \rightarrow D \rightarrow C$ уже не является корректным по причине синтаксической ошибки. Что означает в данном контексте слово «иначе»? Это невыполнение диспозиции, т. е. «**если не Д**»

(символически « \bar{D} »). Но согласно команде условного перехода слово «иначе» должно означать нечто иное, а именно «**если не-Г**» (\bar{G}): т. е. термин «иначе» относится в команде условного перехода не к действию, а к условию выполнения действия и создает предпосылку для ветвления команды. В «логической» же структуре нормы права слово «иначе» относится именно к действию. Очевидна структурная деформация команды условного перехода. Следовательно, в

ситуации с трехчленной структурой нормы права формулу «**если... то... иначе...**» недопустимо считать выражением команды условного перехода.

Итак, в структуре логической нормы права нам предлагается различать три элемента (Г, Д, С). В команде условного перехода мы наблюдаем четыре элемента (Г1, Г2, Д1, Д2). В четырехэлементной структуре логической нормы нам также предлагается увидеть четыре элемента: Г, Д, С, \bar{D} . Но это и разные элементы, и разные сочетания элементов. Таким образом, команда условного перехода не позволяет нам считать структуру нормы права трехчленной.

Однако если не придерживаться точки зрения о трехчленной (образца 1940 г.) либо приведенной четырехчленной структуре нормы права, то открывается новая возможность для использования потенциала команды условного перехода. В частности, допустимо говорить о двухчленной структуре нормы права, однако несколько в ином ракурсе, чем об этом часто ведется речь в юридической науке.

Как уже отмечалось, в качестве альтернативы трехчленной структуре обычно принято выделять либо гипотезу и диспозицию, либо диспозицию и санкцию. При этом обычно говорят о некоем дуализме, о том, что, например, в уголовном праве один и тот же элемент (первый элемент уголовно-правовой нормы) может рассматриваться как гипотеза и диспозиция. Соответственно, второй элемент — как диспозиция и санкция.

В том случае, когда первый элемент воспринимается в качестве гипотезы, а второй — в качестве диспозиции, норма права признается предписанием для субъекта правоприменения (суда) — «если будет совершено преступление, то обязательно применить определенные вид и меру наказания к преступнику».

В той ситуации, когда первый элемент рассматривается как диспозиция, второй — как санкция, норма права является предписанием для граждан, подданных (и иных лиц) — запретом совершать некое поведение под угрозой наказания. Этому мнению придерживались дореволюционные отечественные правоведы (Н. М. Коркунов [7, с. 190], И. В. Михайловский [8. Цит. по 1, с. 102], Ф. В. Тарановский [9, с. 64—69]) и советские ученые (А. С. Пиголкин и И. С. Самощенко [10, с. 194] и др.).

Вместе с тем в юридической науке существуют высказывания, которые можно трактовать таким образом, что речь идет не столько о перемене функций правовых норм или различном отражении функций права (регулятивной и охранительной)

нормами права, сколько о двух разных нормах, адресованных различным субъектам. Об этом писал еще в XIX в. британский правовед Д. Остин [11], польские ученые З. Зембинский, Е. Врублевский [1, с. 103]. На наш взгляд, подобный подход более конкретен. Такая точность обусловлена особенностями структуры любых норм, отражающей специфику нормативного предписания. Для любого предписания необходимо как минимум наличие условий его действительности (если речь **не** идет о так называемых абсолютных, монадических нормах, не применимых в качестве логической модели для характеристики правовых норм). К ним относятся: указание на пространственно-временные и субъектные характеристики действительности правовой нормы (чаще называемое действием нормы права в пространстве, времени и по кругу лиц), а также наличие обстоятельств, при которых становится возможным выполнение предписываемого поведения («*impossibilium nulla obligatio est*»).

Некоторые условия фактически едины для любых правовых норм, например, это условия действия (точнее — действительности) норм права в пространстве, времени и по кругу лиц, хотя они формулируются в различных статьях нормативно-правового акта либо даже в ином нормативно-правовом акте. Сюда же отнесем наличие обстоятельств, создающих возможность выполнения предписываемого поведения, а также обязательное для некоторых групп норм (норм, формализованных в особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации) указание на отсутствие обстоятельств, исключающих деликтность деяния (речь идет не о конкретном перечне условий, а именно о факте их учета на том основании, что законодатель наделил их данным юридическим свойством).

Сочетание таких условий, как указание на адресата, предписываемое поведение и находящийся в специфическом отношении к ним деонтический (нормативный) оператор («обязательно», «запрещено», «разрешено»), является **уникальным** для **каждой** правовой нормы. Если мы видим четкое различие в содержании гипотезы в части такого указания, то объединение их под **одной** законодательной формулировкой кажется не вполне верным. Иными словами, не совсем правильно прописывать столь разное содержание (запрет совершать кражу и обязанность наказать за совершение кражи) в одной законодательной формулировке (ч. 1 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации). Мысль о том, что «из охранительной нормы

логическим путем выводится регулятивная норма» [4, с. 610], не является верной, так как правовые нормы-предписания (правовые нормы *de re*) не **выводимы** друг из друга в рамках логического следования.

Таким образом, когда мы поднимаем вопрос о санкциях и санкционной защите правовых норм, то можем говорить не столько о третьем элементе структуры нормы права, сколько именно о двух нормах права, которые волей законодателя адресованы различным субъектам. Однако данные нормы **связаны** между собой. Если говорить точнее, то, поскольку норма права является предписанием общего характера, речь идет о различных **группах** субъектов. Одной из них является правоприменитель, второй — граждане (подданные, иностранные граждане, подпадающие под юрисдикцию государства проживания или пребывания и т. п.).

Заметим, что обе нормы **одинаковы** по своей двухчленной структуре. В нее входит гипотеза как совокупность условий действительности нормы права и диспозиция, включающая в себя как указание на предписываемое поведение, так и на деонтический оператор, иногда не формулирующийся явно, но вывод о его наличии делается посредством системного способа толкования на основе общего контекста, в котором сформулирована норма права. Не вполне корректно называть диспозицией правило поведения или даже прямо отождествлять норму права с диспозицией [12, с. 21], поскольку это уравнивание части и целого, так как сама норма со всеми структурными элементами представляет собой правило поведения. С учетом схемы, предложенной В. И. Леушиным относительно связи гипотезы и диспозиции ($G \rightarrow D$) [4, с. 607], можно сказать, что правилом поведения, т. е. нормой является не «D», а лишь связка « $G \rightarrow D$ ». Впрочем О. Э. Лейст отождествляет диспозицию с нормой права, но гипотезу при этом он считает не элементом, но атрибутом правовой нормы.

Таким образом, если вновь обратиться к указанной схеме, то связь между двумя нормами права в контексте приведенного обоснования о месте санкции в структуре правовых норм можно выразить следующим образом. Первая норма (N1, норма1) формулируется как $G1 \rightarrow D1$, где «G1» — гипотеза первой нормы, а «D1» — диспозиция первой нормы. Знак « \rightarrow » означает нормативное следование (предписываемое волей законодателя). Когда мы говорим о логическом следовании, то логически необходимо лишь **введение в схему элемента** «G1», потому что мы так отграничим диадические нормы (которыми

и являются нормы права) от монадических (абсолютных) норм.

Что же касается второй нормы (Н2, норма 2), то схема будет выглядеть аналогично: $G2 \rightarrow D2$. Однако чтобы показать взаимосвязь с первой нормой, мы выразим гипотезу «Г2» как **описание** факта нарушения первой нормы, а именно как «Г1 и $\overline{D1}$ ». Здесь требуется уточнить два момента. Во-первых, ограничиваться лишь одним элементом « $\overline{D1}$ » (вместо связки «Г1 и $\overline{D1}$ ») недопустимо, поскольку речь идет не о том, что соответствующий субъект не вел себя так, как на это указано в диспозиции (Н1, т. е. нормы 1), а о том, что он не вел себя указанным образом **лишь при наличии соответствующих условий** (Г1). Для правовых норм они вводятся **всегда** (гипотеза нормы права есть всегда), хотя в некоторых случаях данный тезис встречает возражения, обусловленные, на наш взгляд, смешением представлений о структуре нормы права и структуре статьи нормативно-правового акта.

Во-вторых, соединение элементов **не** через нормативное следование ($G1 \rightarrow \overline{D1}$), а именно через союз «и» (Г1 и $\overline{D1}$) — логическую конъюнкцию, необходимо, поскольку речь идет не о предписании как таковом, а об описании. Это описание факта правонарушения как одного из условий действительности нормы будет являться элементом гипотезы, хотя сама гипотеза войдет составной частью именно в предписание (в норму 2, Н2).

Полностью формула (символическое описание) второй нормы будет выглядеть так: $G2 (G1 \text{ и } \overline{D1}) \rightarrow D2$. Введение элементов Г1 и $\overline{D1}$ в скобки означает здесь «понимаемая как».

Общая же связь двух норм будет выглядеть следующим образом: «Н1 и Н2». Союз «и», вновь применяемый в качестве логической конъюнкции, предоставляет нам возможность толковать «Н1» и «Н2» как нормы *de dicto*, т. е. преобразовать их в дескриптивно формулируемые правовые нормы — элементы **не** объектного языка права (правовые нормы *de re*), а элементы метаязыка (например языка правовой науки). В таком случае мы получаем через таблицу истинности описание одной из структурных связей системы права и выходим на определение (позитивного) права, включающее в себя такой обязательный признак, как «обеспеченность государственным принуждением» (хотя оговоримся, мы вели речь лишь об одной из мер такого принуждения). Иными словами, получаем следующую формулировку

метаязыка: «(истинно, что) система норм является правовой, когда (истинно, что) есть норма 1 и (истинно, что) есть обеспечивающая ее санкционной защитой норма 2». Однако эта схема будет работать в том случае, когда мы введем необходимые оговорки относительно связи данной санкционной защиты с государственным принуждением. В таком контексте метаязыка права вслед за О. Э. Лейстом можно считать санкцию не структурным элементом, но (необходимым) атрибутом правовой нормы [12, с. 21].

Если же раскрыть структуры Н1 и Н2, т. е. описывать приводимый структурный элемент **права** с использованием структурных элементов **норм права** (Н1 и Н2), то мы получаем формулу: «Н1 [$G1 \rightarrow D1$] и Н2 [$G2 (G1 \text{ и } \overline{D1}) \rightarrow D2$]».

Таким образом, видно, что структура нормы права является двухчленной. Она всегда содержит гипотезу и диспозицию и не включает в себя санкцию. Между тем любая норма права обеспечена санкционной защитой.

Список библиографических ссылок

1. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.
2. Голунский С. А. К вопросу о понятии правовой нормы // Сов. гос-во и право. 1961. № 4.
3. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2.
4. Леушин В. И. Логическая норма и нормативное предписание (структурный анализ) // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 605—611.
5. Явич Л. С. Право и общественные отношения. Основные аспекты содержания и формы советского права. М., 1971.
6. Информатика и математика для юристов: учебник для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям / под ред. С. Я. Казанцева, Н. М. Дубининой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
7. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 2010.
8. Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914.
9. Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.
10. Общая теория советского права / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М., 1966.
11. Lectures on Jurisprudence. Being the sequel to «The Province of Jurisprudence Determined» to which are added notes and fragments». Now first published from the Original Manuscripts. By the late John Austin. New York, 1970. Lecture XLV.
12. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962.

© Попов В. В., 2016